

Михаил Жванецкий
Одесса

Итак, Одесса для тех, кто ее не знает и не хочет знать. Довольно красивый город на нашем юге и чьем-то севере. На берегу Черного моря, трехтысячный юбилей которого мы недавно отмечали.

Обычно очень жаркий август, когда мы по ночам обливаемся потом, а серая морская вода не охлаждает, а засаливает.

Дачи здесь маленькие – квартиры без крыш. Засыпаешь один – просыпаешься впятером. Жуют здесь все и всегда – семечки, креветки, копченую рыбку, раков, виноград. Лучшие в стране рты не закрываются ни на секунду: хрумкают, лузгают, щелкают, посапывают, слушают ртом. Рты прекрасные – смесь украинской, русской, греческой и еврейской породы.

Девушки весной хороши, как кукурузные початки молочно-восковой спелости. Летом еще лучше: стройные, упругие, покрытые горячим загаром и легкой степной пылью. Идти за ними невозможно. Хочется укусить и есть их. От красоты у них скверные характеры, а в глазах коварство.

– Миша, уже есть шесть часов?

– Нет, а что?

– Ничего, мне нужно семь.

Вообще, женщин умных не бывает. Есть прелесть какие глупенькие и ужас какие дуры. Но с нашими горя не оберешься. Большое количество бросило меня, кое-кого бросил я, о чем жалею. Правда, мне пятьдесят, и жалеть осталось недолго.

Итак, лучший месяц – август. Дикая жара. Если в залив вошел косяк, рыбой пахнут все – никого нельзя поцеловать.

Вся жизнь – на берегу моря: там жарят, варят и кричат на детей.

Для постороннего уха – в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости.

Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать.

– Сёма, иди домой, иди домой, иди домой!

– Он взял в жены Розу с верандой и горячей водой...

– Почему у вас семечки по двадцать копеек, а у всех десять?

– Потому что двадцать больше.

– Чем вы гладите тонкое женское белье?

– А вы чем гладите тонкое женское белье?

– Рукой.

Они не подозревают, что они острят, и не надо им говорить, не то они станут этим зарабатывать, у них выпадут волосы; вместо того чтоб говорить,

они будут прислушиваться, записывать, а потом читать по бумаге.

Старички сидят на скамейках у ворот с выражением лица «Стой! Кто идет?!». Когда вы возвращаетесь к себе с дамой, вы покрываетесь потом и не знаете, чем ее прикрыть. Весь двор замолкает, слышен только ваш натужный голос:

– Вот здесь я живу, Юленька.

А какой-то только что родившийся ребенок обязательно ляпнет:

– Дядя Миса, только сто вчерасняя тетя приходила.

Когда вы выходите, двор замолкает окончательно, и кто-то – шепотом, от которого волосы шевелятся:

– Вот эта уже получше.

Здесь безумно любят сводить, сватать, настаивать и, поживив, разбегаться. Отсюда дети. Худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра, одышка, и скорость упадет до нуля. Теперь он здоров.

Одесса давно и постоянно экспортирует в другие города и страны писателей, художников, музыкантов и шахматистов. Физики и математики получают хуже, хотя отец нашей космонавтики Королёв – одессит.

Но Бабель, Ильф и Петров, Катаев, Ойстрах, Гилельс – все мои родственники. Мечников и еще куча великих людей. А я до того необразован, что сам пишу эпиграф и произведение к нему. Ужас.

Со времен Вавилона и до сих пор в детей вкладывают все надежды. Раньше на крошечное болезненное существо вешали скрипку, теперь вешают коньки, шахматы или морской бинокль. И хотя он не больше сифона с газированной водой, он уже бьет ножкой в такт и такой задумчивый, что его уже можно женить.

Август у нас лучший месяц в году, но сентябрь лучше августа. Начинается учебный год, пляжи пустеют, на берегу те, кто работает, но ничего не делает, а таких довольно много. По вечерам прохладно, и целуются в малолитражке «Фиат», куда целиком не помещаются, и мужа можно узнать по стоптанным каблукам.

В октябре вы лежите на берегу один. Правда, и вода холодная, градусов двенадцать.

Я спросил старичка, что купался:

– Вы что, не мерзнете?

– Почему? – ответил он.

Зима в Одессе странная. Дождь сменяется морозом, образуя дикую красоту! Стоят стеклянные деревья, висят стеклянные провода, земля покрыта стеклянными дорогами и тротуарами. Машины и люди жужжат, как мухи на липкой бумаге. Если она неподвижна – значит, едет вверх; если едет вниз – значит, тормозит. Ушибы, переломы; носки, надетые поверх сапог, – очень красивая зима.

Город компактный. Пешком – за полчаса от железного до морского вокзала. Главная улица – Дерibasовская. Если спросить, как туда пройти, могут разорвать, потому что объясняют руками, слов «налево» и «направо» не употребляют. Пойдете

туда, потом туда, завернете туда, сюда – туда, туда – сюда... Спрашивающий сходит с ума, пока кто-то не скажет:

- Вон она.
- Где?
- Вон!
- Где?
- Вон, вон и т. д.

Одесситка, у которой руки заняты ребенком, ничего не может рассказать.

Почему здесь рождается столько талантов, не могут понять ни сами жители, ни муниципалитет. Только время от времени его уговаривают назвать улицу именем кого-то. Построены огромные новые районы, но там дома стоят отдельно, и там жить неинтересно. Интересно в старых дворах, где стеклянные галереи, и все живут, как в аквариуме, и даже подсвечены лампочками, поэтому я не женат.

Мужчины в этом городе играют незначительную роль и довольны всем происходящим. Ну-ка, давайте откроем окно:

- Скажите, этот трамвай идет к вокзалу?
- Идет, но сейчас он движется в обратную сторону – хоть сядьте туда лицом.

Вот это мой двор. В Одессе не говорят «мой дом» – «мой двор». Как вернулись после войны, так с 45-го года здесь живем с мамой. Художники из Одессы уезжают.

Ее надо заканчивать, как школу. Все жизненные пути одесситов упираются в море. Дальше начинается другая жизнь, другая компания, другая страна.